18+

ДЖОРДЖ БАРР МАККАТЧЕН

ЯСТРЕБ И ВОРОН

ПЛЕННИК В ПОДАРОК

адаптация и перевод
НАТАЛЬИ МЕЙТИН

Джордж Барр Маккатчен

Ястреб и Ворон. Пленник в подарок

«Издательские решения»

Маккатчен Д.

Ястреб и Ворон. Пленник в подарок / Д. Маккатчен — «Издательские решения»,

Её отец — атаман разбойников. Её подарок на день рождения — живой полковник. Джонифер Ястреб хотел порадовать дочь и выудил из горной реки своего самого опасного врага. Гэвин Старкорт поклялся извести банду — а теперь сидит в плену и учит Герану английскому. Только она такого подарка не просила. Последняя книга о Граустарке.

© Маккатчен Д.
© Издательские решения

Ястреб и Ворон
Пленник в подарок

Джордж Барр Маккатчен

Переводчик Наталья Мейтин
Редактор Зинаида Граутбер
Художник, Лаборатория книжного дизайна Ingenium. Иллюстрация создана с помощью нейросети Наталья Мейтин

© Джордж Барр Маккатчен, 2026
© Наталья Мейтин, перевод, 2026

ISBN 978-5-0071-6477-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I. В которой дочери атамана исполняется девятнадцать, разбойники наряжаются к празднику, а грозный Джонифер Давос узнаёт, что его дочь умеет ругаться

У Гераны был день рождения. Знали об этом немногие, но для неё эти немногие и были почти весь мир.

Знала вся маленькая долина среди скал. Знали лесорубы и охотники, пастухи на склонах, бродяги на дороге. А лучше всех знали разбойники с «Ястреба и Ворона».

Никакого постоялого двора с такой вывеской не было. «Ястребом и Вороном» путники прозвали Княжескую дорогу через Друнский лес — двадцать лиг от ущелья Двух Королей до крепости Ганлук. Ночевать там приходилось под открытым небом, а хозяевами были хищные птицы да птицы дурной приметы.

Дорогу проложили в незапамятные времена, без пороха и машин, одной волей и упорством. Она вилась вдоль горной речки, ныряла в тёмный лес и выходила к равнине Граустарка. Над лесом стояли снежные вершины, куда добирался только орёл.

Железной дороги через горы тогда ещё не было. Купцы и бродяги, князья и солдаты — все ночевали в лесу, хотели они того или нет. В лесу водились волки, медведи и рыси. Но боялись путники не их.

Бедняк ехал один, с ружьём, и от зверя отбивался сам. Богач, если вёз сокровища, брал надёжную охрану. Потому что на Княжеской дороге хозяйничали разбойники. Они появлялись ниоткуда и исчезали туда же. А правил ими Джонифер Давос по прозвищу Ястреб, отец Гераны.

Ни один король не сидел на троне прочнее, чем Джонифер в своей потаённой долине. Ни у одного не было подданных вернее. И ни при одном дворе не нашлось бы принцессы прелестнее его дочери.

Увы, кроме полусотни разбойников, их семей и друзей, о ней никто на свете не знал.

Впрочем, кое-что Герана повидала. В Эдельвейсе она не бывала ни разу, но смотрела на него с горных круч, а иногда доезжала почти до ворот вместе с отцом и двоюродными братьями. Друнский лес она знала из конца в конец — каждую тропу, каждого охотника и его собаку. Из расщелин она с презрением следила, как солдаты из крепости в который раз прочёсывают лес и никого не находят.

Издали она видела регента, графов и генералов в чёрно-красных мундирах. А однажды, давным-давно, — маленькую княжну, совсем ещё кроху, в золотой карете с четвёркой белых коней. Двор ночевал в лесу, и до Гераны долетал запах жареных фазанов с дворцовой кухни.

Повидав так мало, она много мечтала. Видела себя принцессой среди придворных, а не оборванцев, в шелках и соболях, а не в простом наряде. Просыпаться после таких грёз было досадно.

Странное дело: о бриллиантах она не мечтала. Чего о них мечтать? В пещерах у разбойников стояли сундуки с камнями, и отец не раз наряжал её в ожерелья и диадемы — на потеху своим головорезам. Нет, камни были для Гераны пустяком. А вот о шелках и страусовых перьях она думала очень много.

* * *

День рождения решили отметить весело и с выгодой. Как раз в этот день через лес должен был проехать богатый ювелир из Эдельвейса. Он вёз в Петербург целое состояние в камнях, и до железной дороги за горами его провожала охрана.

Всё это Джонифер знал от тайных друзей в Эдельвейсе. Министр полиции барон Данглосс очень удивился бы, услышав их имена: так высоко они стояли и так близко к трону.

Новость шла по цепочке. Разносчик поболтал с лакеем у чёрного хода особняка на Замковом проспекте. Лодочник за городской стеной — с разносчиком. Фермер у кузницы — с лодочником. Лесоруб — с фермером, охотник у ущелья — с лесорубом. А в полночь всадник постучал в старый трактир на Семликской дороге. Держали трактир братья-великаны Самон и Сиге Дигманы, люди с безупречной репутацией. К рассвету Ястреб знал всё: едет ювелир, при нём дюжина драгун.

Этот «живой телеграф» работал больше четверти века. Иногда разбойника брали живым, но он молчал, как мёртвый. А лица у пойманных были незнакомые, хотя все они явно жили где-то рядом со столицей. Маски они носили не столько от свидетелей, сколько по привычке: чтобы лицо не примелькалось.

Риск на этот раз был велик. Но банда проголосовала единогласно: подарок Геране будет лучшим, какой только можно добыть.

* * *

Весь день в долине стояла суматоха. Последний набег был много месяцев назад. Всё лето разбойники мирно пахали, пасли овец, латали крыши и делали вино. Кузнец, мельник, сапожник и оружейник трудились без устали.

Посмотри кто-нибудь на долину сверху — увидел бы мирную картину. И удивился бы: как сюда попадают? Долина лежала на дне чаши со стенками в милю высотой, и нигде ни щели. Щель, конечно, была — узкая расселина в южных скалах, хитро спрятанная за деревьями. И пещера с камнями была, только её не нашёл бы и тысячеглазый. Раз в год Джонифер с двумятремя верными людьми увозил камни далеко за горы. Там их меняли на золото весьма почтенные господа в Вене, Париже, Берлине и Петербурге.

Теперь затишью пришёл конец. Мужчины потянулись на конный двор за домом атамана — полсотни, не считая стариков.

И ни одного пахаря среди них не было. Исчезли сутулые люди в линялых зелёных блузах. Вместо них на дворе гарцевали бойкие молодцы с горящими глазами. Расшитые куртки — красные, синие, лиловые. Чёрные плащи за плечами. Широкие белые шаровары, не слишком чистые, заправлены в короткие сапоги. За кушаками пистолеты в серебряной насечке. На головах кожаные шапки или пёстрые платки с хвостами.

Кони — вороные и гнедые, ни одного белого. Шпор ни у кого: пришпоривать таких скакунов — всё равно что пришпоривать оленя.

Усы, неделями висевшие уныло, теперь были лихо закручены. В глазах у каждого плясал сам чёрт.

* * *

Из окна на всё это смотрела Герана. Она была сердита. А когда Герана сердилась, люди искали, куда бы спрятаться, как от грозы.

Она не кричала, не царапалась и не давала пощёчин. Просто в тёмно-голубых глазах сверкали молнии, а низкий голос звучал ровно и страшно. Правда, гроза быстро проходила, и улыбалась Герана куда чаще, чем хмурилась.

Сейчас даже грозный Джонифер нет-нет да и оглядывался на окно. А ведь вокруг него стояло полсотни головорезов, готовых драться с целым полком. Три её двоюродных брата тоже косились на дом: им досталось вместе с дядей.

В доме на цыпочках ходили две старые служанки и гувернантка Матильда, образованная австрийка. Больше двадцати лет назад она попала к разбойникам вместе с матерью Гераны. Теперь все трое ждали, когда небо прояснится.

А началось всё днём. Герана сказала, что поедет с отрядом. Сначала это было желание, к концу разговора — решение.

Сперва она мило упрашивала. Ей почти девятнадцать, она дочь великого Джонифера Давоса, а ещё ни разу не видела набега. Не пора ли?

Отец отказал наотрез. Это не женское дело. Он скорее отрубит себе правую руку, чем пустит её под пули. Да что там — обе руки отрубит…

— Обе ты не сможешь, — сказала Герана и ласково погладила его ладонь. — Чем же ты отрубишь левую, если правую уже отрубил?

Дальше разговор пошёл так.

— Я не шучу, Герана, — нахмурился он.

— Я тоже. Я еду с вами.

— Вот как! Ха-ха! Скажи-ка, кто тут Джонифер Давос, чьё слово — закон? Я или ты?

— Конечно, ты, папа. Посмотри на меня. Нет, вниз посмотри. Я тебе до плеча. Кто же меня примет за великана Джонифера Давоса?

— Ты с нами не поедешь. В жизни не слыхал такой чепухи! Там может быть стрельба. А то и убийство.

— А разве я не видела, как ты прошлой зимой застрелил Петера Шанга и его брата, когда они ко мне приставали?

— Они это заслужили. А стрелять в честных солдат — совсем другое дело. Где Матильда? Куда подевалась эта женщина? Прячется?

— Она на кухне, молится, — вспыхнула Герана. — Чуть я что затею, она убегает молиться.

— Ей бы надрать тебе уши.

— Хотела бы я посмотреть, как она попробует.

Джонифер дёрнул себя за ус.

— Я бы тоже, — хмыкнул он. И тут же строго: — Хватит. Ты, моё сокровище, — и вдруг с шайкой головорезов…

— Ты обещал, что на день рождения я могу просить чего захочу. — Она нетерпеливо постукивала ножкой. — Вот и держи слово. Ты обязан честью…

— Честью! — взревел он. — При чём тут честь, когда грабишь человека на большой дороге? Я растил тебя честной, а ты хочешь стать воровкой, как этот сброд? — Он ткнул пальцем в сторону двора.

— Ты забываешь, что я дочь их атамана, — терпеливо сказала она. — Должна же я учиться делу. Чтобы потом занять твоё место — хотя живи ты, конечно, вечно…

Атаман выругался так, что задрожали стёкла. Герана зажмурилась и заткнула уши.

— Ты слышал, что я сказала, папа. Иначе не стал бы так богохульствовать. Кстати, когда я стану тут править, первым делом издам указ: при женщинах не ругаться. И сама подам пример — не буду ругаться при мужчинах.

— Господи, спаси мою душу, — пролепетал разбойник.

— Ещё бы ты Его не просил. Тебе должно быть стыдно.

— Никто никогда так со мной не разговаривал!

— Пф! Все тебя боятся, а я нет. И никогда не боялась.

Он улыбнулся.

— Верю. Ты вообще ничего не боишься.

— Ещё как боюсь. Мышей и жуков. Но мы отвлеклись. Когда выезжаем? Мне ещё переодеться.

Джонифер грохнул кулаком по столу так, что люди во дворе обернулись.

— Довольно! Ты не едешь. Я растил тебя не воровкой, а леди! Я дал тебе образование, одевал как благородную даму. Придёт время — тётя представит тебя ко двору в Эдельвейсе, и ты будешь богаче половины знатных дам. А ты собралась на большую дорогу с худшей шайкой негодяев на свете!

— А тётя Катрана — благородная дама? — сладко спросила Герана.

Джонифер поперхнулся.

— Разумеется. Она занимает высокое положение при дворе.

— Она ведь твоя сестра? И тайком заодно с тобой и твоими головорезами? И её муж, и ещё полдюжины благородных особ. Ба! Они такие же воры, как мы.

— Я запрещаю тебе так говорить! Ступай к себе! — Тут он спохватился: — И вообще, ты не воровка. Ты не такая, как мы.

— Такая же, как ты, тётя Катрана и дядя Эмлен. Разве я не ношу краденые бриллианты и соболя, когда тебе вздумается меня нарядить? Как ни назови, а это краденое. Значит, я разбойница. Давно пора мне немножко поупражняться.

Джонифер шагнул к ней. Его смуглое худое лицо потемнело, и Герана на миг замолчала.

— Если я когда-нибудь поймаю тебя на краже, — глухо сказал он, — привяжу к дереву и всыплю пятьдесят плетей. Хоть ты моя дочь и вылитая мать. Она не виновата, что вышла за вора. Но дочь у неё воровкой не станет, клянусь всеми святыми.

Герану тронула его искренность. Но она была отважным маленьким воином и не отступила.

— Я ведь прошу только посмотреть. Грабить я не собираюсь.

— Хо! Хо! Невинная зрительница!

— Мне до смерти надоело сидеть в этой долине. Без единого приключения — да, без единого чёртова приключения! Год за годом, как домашняя кошка…

— Ты… ты выругалась, — ахнул атаман.

— Иногда ругаюсь, — невозмутимо сказала она. — Это моё единственное удовольствие.

— Я никогда не слышал, чтобы женщина ругалась! Что сказала бы твоя бедная мать?

— Ну-ну, папа. Если не хочешь услышать, как я ругаюсь всерьёз, — а я знаю много хороших слов, — лучше сдавайся сразу. Я буду держаться позади. А если дело обернётся плохо, первая поскачу домой. Ты же знаешь, нет коня быстрее Селима. Когда выезжаем?

Великий Джонифер, от чьего голоса, говорят, дрожали горы, долго смотрел на дочь. Потом молча покачал головой и отошёл к окну. Там он подождал, пока голос снова станет его слушаться, — даже проверил его вполголоса, — и крикнул:

— Петер! Йозеф! Маттиас! Ко мне!

Три племянника поспешили в дом. Высокие жилистые парни, сейчас они выглядели свирепо, а в обычные дни — вовсе нет. Петеру было двадцать три, Маттиасу едва исполнилось девятнадцать, Йозеф был средним. Их отец, сводный брат Джонифера, давно погиб на дороге. Братья кормили мать, пахали её поле и выслушивали её советы насчёт женитьбы.

Гераной они восхищались и втайне на неё досадовали: только она стояла между ними и атаманским «престолом». Каждый охотно женился бы на ней. Но Джонифер ясно дал понять, что присмотрел для дочери кое-что получше. А уж сыновей брата от дочери дровосека он в

зятьях и вовсе видеть не желал. Джонифер так и не простил брату, что тот не женился на матери своих детей.

— Внемлите вашей кровожадной кузине, — насмешливо объявил он, — и трепещите. Слушайте голос грома, перед которым львиный рёв…

Дальше он не продвинулся. Терпение Гераны лопнуло. Как рассказывал потом Петер, грома она не метала. Но хотел бы он видеть льва, который не попятился бы перед её глазами. Да, они метали голубые молнии, подтвердил Маттиас. Йозеф признался, что и вправду затрепетал. Даже Джонифер сдался после героической обороны. Наконец Герана удалилась — подбородок вздёрнут, ноздри дрожат. Четверо силачей растерянно смотрели на занавеску, за которой она скрылась.

Джонифер Ястреб вытер лоб.

— Мы внимали, дядя, — осторожно, вполголоса сказал Петер.

— И трепетали, — ухмыльнулся Йозеф.

— Чёртова строптивица, — буркнул Джонифер. — Эй, Маттиас! Ты куда?

Маттиас бочком пробирался к двери.

— Она же велела нам всем убираться.

— Велела, — Джонифер расправил плечи. — Но я ей покажу, кто тут отец. Чёртова девчонка! Хоть и дочь мне, а чёртова девчонка! Вот я ей…

Из-за занавески раздался холодный голос:

— Я переодеваюсь. Вели сейчас же оседлать Селима, папа. Твоя чёртова девчонка поедет на нём сегодня.

Глава II. В которой Герана выезжает на большую дорогу, великаны Дигманы принимают её за ведьму, а банда голосует за тридцать плетей

Ночь опустилась на долину разом, как всегда в горах. По конному двору плясали фонари, кони били копытами, мужчины гоготали и пели. Герана всё ещё сидела у окна, подперев подбородок кулаками. Она искала глазами одного — вороного Селима под седлом. Его она узнала бы из тысячи.

Селима не было. Значит, отец не уступил. Что ж, тем хуже для него. Она поедет следом. А когда догонит отряд на дороге, назад её уже не отправят. Папа будет ругаться до небес, но деваться ему будет некуда.

На лужке перед домом гомонили женщины. Прощания давно кончились, теперь пришло время молитв.

— С Богом! — кричали вслед всадникам. — Господи, сбереги моего храбреца!

Можно было подумать, что эти головорезы уходят в крестовый поход.

Отряд за отрядом выезжал со двора и пропадал в темноте. Первым, как всегда, ехал отец: это было его право и его гордость. Последними, с дюжиной людей, ехал Юлиус по прозвищу Секира.

Секиру в долине знали все. Кузнец, самый сильный и самый страшный человек в горах, он однажды перерубил деревце в четыре дюйма одним ударом. Отсюда и прозвище, а настоящую его фамилию — Снук — великодушно забыли. Герана его любила. Сколько раз она сидела в кузнице на перевёрнутом бочонке, смотрела, как сыплются искры, и пела с ним дуэтом — её дискант над его басом!

При всей своей силе Секира был самым запуганным мужем во всех горах. Жена у него была крошечная, и держала она его под крошечным каблуком. Шутить над этим, правда, никто не решался. Однажды попробовал пьяница Ульрих — и с тех пор в рот не берёт ни капли.

Секира любил Герану и за неё отдал бы жизнь. Но если он поймает её в расселине, то снимет с Селима, привяжет к дереву и оставит до утра. Вернее него у отца никого не было. Значит, надо проскочить следом за ним в потайной выход. А там можно будет и посмеяться.

Хотя нет, смеяться она не будет. Ей будет жаль бедного Юлиуса, и она слёзно пообещает заступиться за него перед отцом.

Едва отряд Секиры скрылся в полях, она побежала к конюшне. Не крадучись, с большим медным фонарём в руке.

Одета она была по-охотничьи: коричневые бриджи, зелёная блуза с поясом и плащ, коричневый снаружи и алый изнутри. На ногах сапожки из оленьей кожи работы старого Варнавы Хатча. Сапожник отморозил обе ноги ещё мальчишкой и с тех пор сорок лет тачал сапоги другим. Геране он обшил сапожки золотым галуном с мундира одного ограбленного герцога. С того же герцога был и короткий меч в усыпанных камнями ножнах. За поясом торчал пистолет — такой огромный, что на ней он выглядел смешно. Кудри были уложены под чёрную шляпу. Красное перо сегодня она сняла.

У самой конюшни за спиной затопали шаги. Герана обернулась. Наверняка какой-нибудь дед, которому велели её сторожить. Дедов она не боялась!

— Герана Давос! — задыхаясь, проговорил женский голос. — Ты что задумала? Неужели ты собралась за ними?

— А, это ты, Матильда. Шумишь, как мужчина. Не мешай, мне некогда.

— Дитя моё, дитя…

— Чёрт! — Герана подняла фонарь. — И Эльза с Розой туда же! А ну-ка все домой!

За высокой Матильдой прибежали, отдуваясь, две старушки-служанки. Они ломали руки и бормотали молитвы.

Герана решительно дёрнула пистолет из-за пояса. Стрелять она, разумеется, не собиралась, но все трое смертельно боялись оружия. Однако проклятый пистолет застрял и не вынимался. Ничего себе! Она не выдержала и фыркнула.

— Господи помилуй! — ахнула старая Эльза. — Она уже одета для…

— Сейчас же в дом, Герана, — велела Матильда. — Снимай это всё. Отец с тебя шкуру спустит!

— Она хочет сказать, снимать в доме, а не посреди двора, — обстоятельно пояснила Роза.

— Сниму, не бойтесь, — фыркнула Герана. — Завтра утром, когда вернусь. Да, Матильда, папа спустит с меня шкуру. Но сначала мне надо что-нибудь на эту шкуру заработать, правда?

— Он в жизни тебя пальцем не тронул.

— Тронул. Дважды отшлёпал, когда я была маленькая. Только ты не знала: я обещала не говорить.

— Я была лучшей подругой твоей матери, — Матильда вскинула подбородок. — Неудивительно, что Джониферу Давосу было стыдно…

— Мы теряем время. — Герана повернулась к стойлу Селима. — Уйдите с дороги, а то затопчем!

Старушки причитали у двери, но войти ни одна не осмелилась. Они видели, как Герана бросила на коня попону и седло, затянула подпругу, всунула ему удила. Когда она вывела его на двор, все трое прыснули в стороны. Через десять секунд она была в седле.

— Эльза, не забудь погасить фонарь! Прощай, Матильда, не волнуйся. Завтра мой день рождения, я его ни за что не пропущу!

Селим вылетел за ворота. Герана привстала в стременах, взмахнула мечом и закричала женщинам на лужке:

— Хей! Дорогу! Скачет лихой разбойник! Хей!

И чёрным призраком унеслась в ещё более чёрную ночь. Потом некоторые почтенные хозяйки клялись, что видели, как из ноздрей вороного вырывалось пламя.

* * *

Впереди, с милю от неё, мелькали фонари отряда. Скоро они должны были исчезнуть в расселине.

Расселина тянулась мили на две-три. Днём Герана проезжала её не раз и всякий раз ёжилась, глядя на узкую полоску неба далеко вверху. По дну шла мощёная гравийная дорога, по бокам громоздились валуны. У нижнего конца расселину завалило скалами, но сквозь завал вёл тоннель длиною в двести ярдов.

Выход из тоннеля давным-давно загородили предки Дигманов. Они поставили там каменную башню для защиты от набегов. Потом башню сделали конюшней на полсотни лошадей. Во дворе давно мирно жили куры, гуси и свиньи почтенных трактирщиков Самона и Сиге Дигманов, на которых, прости нас Господи, не лежало ни пятнышка.

В задней стене конюшни была дверь, пригнанная так искусно, что никакой сыщик её бы не нашёл. Открывалась она только изнутри, из пещеры. В долине её звали не дверью, а «воротами». Именно так разбойники и исчезали с лица земли, а полиция винила во всём чёрную магию. Стерегли ворота великаны Дигманы и два их конюха. Открывали только по слову Джонифера.

Герана всегда немножко боялась Самона и Сиге. Добрые, весёлые, но уж очень большие — больше семи футов росту. Секира был им едва по плечо. С детства она считала их людоедами из сказок, которые ей читала Матильда. Однажды Сиге шутки ради посадил её, двенадцатилетнюю, на сук в десяти футах от земли. А Самон при ней схрупал огромное яблоко, как вишню. Уши у обоих были как грибы-трутовики на стволе, только розовые. От этих ушей Герана не могла оторвать глаз.

Сейчас вся надежда была на то, чтобы проскочить в ворота, пока неповоротливые великаны их не затворили.

Она скакала по траве, а не по дороге, чтобы впереди не услышали стука копыт. У входа в расселину фонари отряда погасли один за другим. Луна ещё не взошла. Миг — и Селим ступил в теснину.

Здесь даже в июльский зной дул сырой холодный ветер, как в печной трубе. Герана плотнее закуталась в плащ. Казалось, она въезжает прямо в чёрную стену. Даже головы Селима не было видно. Зато он фыркал, и от этого становилось спокойнее.

Разумеется, она не повернула. Но и не станем делать вид, будто ей не было страшно. Она и не знала, что ночь бывает такой чёрной. Боясь отстать, она пустила Селима рысью. Дважды он спотыкался и падал на колени, едва не сбросив её через голову. Раз она зажмурилась и беззвучно засмеялась: глаза тут всё равно бесполезны.

Наконец далеко внизу загорелась неподвижная звёздочка. Герана знала её. Это был фонарь, который Дигманы вешали у входа в пещеру, когда над дорогой всё было спокойно. Не горит фонарь — в тоннель не суйся. Однажды Дигманы забыли его зажечь, и потом долина неделю обсуждала, как им досталось от Джонифера.

Под фонарём она остановилась и прислушалась. Тихо. Секира со своими уже прошёл ворота. Герана стиснула зубы, взяла в одну руку повод, в другую пистолет и въехала в тоннель. Правда, пистолет в её руке заметно дрожал.

Впереди тускло светился квадрат — ворота в конюшню ещё не закрыли. А что было дальше, Герана потом так и не смогла толком рассказать. Кто-то хватал Селима за узду, кто-то кувыркнулся с кряхтением. Загрохотали копыта по доскам, повеяло свежим воздухом. За спиной раскатами грома ругались два великана, а женский голос торжествующе визжал: «Хей! Хей!»

Милю она неслась во весь опор, и всё ей казалось, что великаны вот-вот схватят Селима за хвост. Потом остановилась — и поняла, что заблудилась. Она была на Семликской дороге, а отряд давно свернул в лес. Пришлось вернуться почти до огней трактира, чтобы найти среди деревьев старую дровяную дорогу.

Теперь она не спешила. Пусть отряд уйдёт подальше от дома: тогда Секире будет не с руки отправлять её назад под конвоем. Через полчаса между деревьями впереди запрыгали фонари, и она вздохнула с облегчением. Хоть там и головорезы, а всё-таки свои.

Долго — ей казалось, целую вечность — она ехала за ними, держась в четверти мили. Из чащи с треском шарахался то ли олень, то ли медведь, и у неё волосы вставали дыбом под шляпой. Вдали выли волки, кричала рысь, ухали совы. Селима тоже трясло, а управлять им одной рукой было нелегко.

Будь она не дочерью великого атамана, она бы сейчас много отдала, чтобы лежать дома в постели. Но дочь Ястреба не смеет трусить. Да и мать её трусихой не была. В долине до сих пор с гордостью вспоминали светловолосую голубоглазую даму, которая попала к ним в плен на дороге, а потом полюбила их атамана и вышла за него. От неё Геране достались голубые глаза, каштановые кудри и голос, не похожий ни на чей в горах.

Нет, трусить было никак нельзя. Вот только бы колени перестали дрожать…

Вдруг шагах в десяти впереди вспыхнули два фонаря.

— Стой! Иначе смерть!

Герана осадила Селима. Дорогу перегородили пешие люди в масках, с пистолетами наизготовку. Она чуть не заплакала от радости. Этих настоящих чертей она боялась куда меньше, чем выдуманных ведьм, гнавшихся за ней по лесу.

— Кто такой?

— Хей! — взвизгнула Герана. — Не узнаёте? Какого чёрта вы останавливаете дочь великого Джонифера? Руки вверх! Кошелёк или жизнь, а то всем головы снесу!

Минута ошалелого молчания. Потом хор поминаний святых и чей-то рёв:

— Изжарь меня в аду! Это же Герана!

— Она самая, добрый Юлиус.

Дело было серьёзное. Секиру не улестишь. С него станется оставить её тут под охраной до утра. Но показывать страх нельзя. Герана выпрямилась в седле.

— Юлиус Секира, что за прогулки в такой час? Тебя ждут в условленном месте! И где ваши лошади? Ага! Я всё поняла. Вы взбунтовались! Вы бросили моего отца…

Её заглушил хохот. Секира-изменник! Герана и сама зажала рот ладонью.

— Прости, Юлиус, это было нехорошо. Слава Богу, вы смеётесь, а не ругаетесь.

— Смеёмся, — Секира подошёл и снял маску. — А дело-то совсем не смешное, молодая сударыня. Я, к твоему сведению, не смеялся. Боас, дай фонарь! Хочу убедиться, что мне это не снится.

— Ущипнуть тебя? — предложила Герана. — Уж лучше я тебя, чем ты меня своими лапищами.

— Не снится, — проворчал Секира, потирая лоб. — Откуда ты взялась, ради всех святых?

— Нечистый принёс её через горы, спаси нас Господи! — богобоязненно сказал кто-то из разбойников. Он уже собрался пасть на колени, но сосед дал ему локтем в бок. Хотя, по правде говоря, и сам думал то же.

— Как ты проскочила мимо Дигманов? — спросил Секира.

— Очень просто. По-моему, они приняли меня за чёрную ведьму на чёрном коне. Но мы теряем время, Юлиус. Поехали, по дороге всё расскажу.

— Поехали! Был ли когда человек в таком переплёте? Возьму тебя с собой — отец повесит меня за большие пальцы. Отправлю назад — снесёт мне голову, что доверил тебя этим адским псам. Они же все в тебя влюблены! Изжарь меня, что же мне делать?

Он вздохнул так, словно вздох шёл из-под земли.

— Да что ты так расстроился? — Герана наклонилась и погладила его по плечу. — Отец меня ждёт. Я ему сказала, что приеду.

— Что?!

— Чистая правда. Десять раз сказала: приеду, и никто меня не остановит. Вот я и тут. Уверена, папа сейчас гадает, почему я так долго. А вдруг меня съели медведи?

— Спаси мою душу! — Секира махнул рукой. — Держи коня покрепче. Догоним остальных — там решим. Дайте мне подумать. Молчать всем! И тебе тоже, сударыня. Никогда мне так не нужно было подумать — и никогда не было так мало времени.

И он зашагал рядом с её стременем. Герана благоразумно молчала. О том, что Секира думает, и думает нешуточно, свидетельствовали ругательства, которые время от времени вырывались у него сквозь зубы. Вдруг она почувствовала себя очень усталой и совсем не героиней. Скорее бы уж папа — и чтобы всё кончилось.

* * *

У лошадей Секира собрал совет. Герану на это время отвели в сторону. Совещание было коротким.

— Ну что, довольно времени потеряли? — нетерпеливо спросила она.

— Слушай, Герана, — торжественно начал Секира. — Мы решили взять тебя с собой и сдать отцу. Другого выхода нет. Но мы единогласно считаем, что за такую глупость тебя надо высечь. Мы проголосовали. Пусть Джонифер Давос привяжет тебя к дереву и при всех влепит тридцать плетей. Хотя некоторые честно голосовали за пятьдесят.

Среди всадников кто-то сдавленно хмыкнул. Герана хихикнула.

— Хорошо, добрый Юлиус, — сказала она, сделав серьёзное лицо. — Только знай: я так обрадовалась вам, что готова была расцеловать каждого. А теперь, раз вы за плети, не поцелую ни одного. Поехали! Сколько времени?

Луна давно взошла. Вокруг Гераны топтались кони людей в масках и плащах — такая компания нагнала бы страху на любого рыцаря. А рядом возвышался Секира, самый страшный из всех. Она улыбнулась ему.

Секира достал из кушака тяжёлые золотые часы. Когда-то они принадлежали одесскому купцу, и его вдова сказала бы Юлиусу спасибо, если бы знала, куда написать.

— За полночь. Вперёд!

По дороге он снизошёл до объяснений. К двум часам все отряды сходятся в одном месте и ждут рассвета.

— Рассвета моего дня рождения, — мечтательно сказала Герана.

— А мы-то хотели, чтобы он был самым счастливым на свете, — вздохнул Секира. — А ты всё испортила.

— Не глупи, Юлиус. Я в жизни не была так счастлива. А папа… папа там будет?

— Будет.

— Ох-хо-хо, — невольно вздохнула Герана.

* * *

В третьем часу они въехали в лагерь. В тихой лесной лощине, в двух милях от Княжеской дороги, горели костры. Вокруг них сидели сорок человек — иначе говоря, сорок разбойников. Ждали вестей от лесных друзей: где ювелир и сколько при нём охраны. Дальше всё было как всегда: перейти речку вброд, оставить коней новичкам и пешком подняться к дороге в засаду.

Джонифер уже давно ходил взад и вперёд у костра, чёрный как туча. Никогда ещё его люди не опаздывали на целые полчаса. И кто — Секира!

— Ну, Юлиус? — взревел он. — Чем оправдаешься?

— А вот пусть моё оправдание само за себя и говорит. Только сначала, Джонифер, я обязан доложить: мы проголосовали, и не меньше тридцати плетей…

Но Джонифер его не слушал. С хриплым криком он сдёрнул Герану с седла, прижал к груди и понёс к огню. Она обхватила его за шею и уткнулась носом ему под ухо. Ноги её бесславно болтались в воздухе.

— Только не тридцать плетей, папа, — шепнула она ему в шею. — Если ты меня любишь, не тридцать…

А он бормотал своё:

— Овечка моя! Я тут чуть с ума не сошёл. Знал ведь, что ты как-нибудь увяжешься следом… Эй, Юлиус! Рассказывай!

Он поставил дочь на землю и крепко, но ласково встряхнул за плечи.

— Вина, Петер! Мяса, Йозеф! Чего рты разинули? Где ваши манеры? Не видите — перед вами королева! Вина, говорю! Она дрожит как осиновый лист. Что ты там говорил про тридцать плетей, Юлиус?

И дочери:

— Ах ты, чёртова моя душенька!

Глава III. В которой придворный ювелир хвастается, капитан драгун отвечает «вполне», а Ястреб впервые в жизни промахивается

Был в Эдельвейсе богатый ювелир Леопольд Кранц. Торговал он только бесценными вещами, и покупатели у него были соответственные: царский дворец в Петербурге, императорский замок в Вене, короли Италии и Испании. А ещё знаменитые актрисы, которых щедрые поклонники осыпали жемчугом из его лавки.

Лавка стояла на площади Регенгетц, напротив Замкового проспекта, на втором этаже. На первом помещался банк «Э. Блоц и сыновья» с ночным сторожем, так что ювелир пользовался охраной даром. Впрочем, совсем даром ли — вопрос. Поговаривали, что Кранц тайно входит в долю этого банка вместе с одним герцогом, одним маркизом и одним графом. Ни один из них, правда, денег в нём не держал.

Но это к делу не относится. Чтобы читатель не привязался к господину Кранцу, скажем сразу: в нашей истории он ненадолго. Попал он в неё только потому, что утром десятого сентября повёз камни по Княжеской дороге. Таких поездок у него были десятки, но эта пришлась на девятнадцатый день рождения дочери Джонифера Давоса.

И всё же господин Кранц был фигурой. Полный, шестидесятилетний, важный. Он возил по Европе состояния в сундуках. У него была добродетельнейшая жена и девять детей, и всех он удачно переженил и перевенчал — если не на чужой вкус, то на свой. Покойный князь с детства звал его по имени, а вся знать — просто «Леппи». Герцогини и графини заботливо спрашивали о его здоровье. Почти все они были ему должны.

Особенно любезны с ним были граф Эмлен Ябасси и его красивая черноглазая жена, графиня Катрана.

* * *

История графини Катраны стоит того, чтобы её рассказать.

В конце прошлого века в Граустарке были два сводных брата. Старший получил престол. Младший — титул герцога Друнского и все земли западнее Ганлука вместе с Друнским лесом. Ему этого показалось мало. На пятый год правления брата герцог поднял мятеж, проиграл и сложил голову на плацу перед крепостью. Земли его отобрали, титул упразднили. Единственного сына, ещё школьника, мать успела увезти в Париж.

А десятка два мятежников спрятались у пастухов и охотников на герцогских землях. Те переправили их в потаённую долину. Там беглецы и осели, потому что носа из неё высунуть боялись. Многие друзья Джонифера — их внуки.

Лет сорок пять назад в долину пришёл внук герцога. Он тоже был беглецом: в России он затеял заговор против царя, и заговор провалился. Оставалось только исчезнуть с лица земли. Звался он теперь Джонифером Давосом. Настоящая его фамилия совпадала с фамилией княжеского дома, и произносить её вслух было неразумно. Этот озлобленный и отчаянный человек и превратил мирных жителей долины в разбойников. Он же был отцом Джонифера Ястреба.

Из России он бежал в Бухарест, а из Бухареста — в горы. С собой он взял двухлетнего сына. Жену-русскую и семилетнюю дочь просто бросил в Бухаресте. Жене он не доверял: её родня была предана царю. А дочь… что дочь? Девчонки в его расчётах не считались. Другое дело сын. Сложись карты иначе, мальчик был бы наследником герцогского титула и роднёй правящим князьям.

Брошенная жена не пропала. Она была умна, находчива и хороша собой. Вскоре один богатый господин из Эдельвейса увёз её в столицу. Там она и прожила лет десять, до самой смерти. Благодаря влиятельным друзьям ей даже простили грехи мужнина деда: дали небольшое имение, пенсию и титул графини. Ко двору, правда, так и не приняли.

Дочь её выросла красавицей, и за Катраной ухаживала чуть не вся золотая молодёжь. Мамаши вздохнули с облегчением, когда она вышла за графа Ябасси. Граф в юности немало кутил, но в хороших домах его принимали: в его похождениях так или иначе участвовали почти все хорошие дома.

Через год после свадьбы мать Катраны умерла. На отпевании в соборе стоял незнакомый семнадцатилетний парень, долговязый и тёмноволосый. После службы он явился к молодой графине на улицу Князя Рудовика и передал ей шкатулку с драгоценностями матери — с поклоном от отца. И спокойно сообщил, что он её брат.

— Ты? Мой маленький брат? Тот самый малыш, с которым я играла? А где отец?

— Разве тебе мало маминых вещей? Они теперь твои. Зачем ещё вопросы?

— Разумеется, есть вопросы! Как тебя зовут?

— Как отца. Джонифер. И фамилия Давос тоже не настоящая. Отец велел отдать тебе шкатулку, сказать, кто я, и уйти. Вот и всё. Графини мне ни к чему. И королевы тоже. Прощай.

— Постой! — О покойной матери Катрана уже забыла. — Я обожала отца. Он был такой большой, сильный, весёлый. Я молилась, чтобы он вернулся и забрал меня. Где он?

— Будь ты ему нужна, он забрал бы тебя, а не меня, — свысока сказал Джонифер. — Любому дураку ясно.

Но потом всё-таки смягчился и обещал передать отцу её слова. Искать отца сама пусть не вздумает: это опасно.

— У тебя же есть камешки, — добавил он. — Разве этого не хватит?

Катрана бережно, как скупой золото, перебирала длинную нить жемчуга.

— Они великолепны.

— Пф! — презрительно сказал мальчишка и ушёл.

Через несколько месяцев в дверь графини постучал цыганёнок-разносчик. Лакей хотел захлопнуть дверь у него перед носом.

— Доложи хозяйке, что у меня весточка от старого знакомого её матушки, — сказал тёмноглазый юнец. — Да поживее, приятель. А то гляди — нашлю на тебя проклятие Чёрной королевы.

Лакей свято верил в проклятие Чёрной королевы Янци. Её казнили столетия назад за то, что она наслала на страну засуху и голод. Вскоре он уже почтительно вёл цыганёнка наверх. А ещё через некоторое время за городской стеной встретились отец и дочь.

Как ни странно, брат с сестрой привязались друг к другу. Когда старый Джонифер умер и сын стал атаманом, графиня Катрана тайно пристала к брату. Толкала её жадность и старая, чуть ли не врождённая неприязнь к княжескому дому. Она собрала в Эдельвейсе кружок наводчиков. С тех пор граф и графиня жили в достатке на свою долю добычи. Правда, над ними всегда висела невидимая туча. Граф, человек без хребта, боялся этой тучи куда больше жены.

Работали они так чисто, что даже барон Данглосс, один из лучших сыщиков во всей Восточной Европе, никого из них не подозревал. Он знал лишь одно: разбойники не угадывают, кого грабить, им кто-то сообщает. За малейшую зацепку он, по его словам, отдал бы голову.

* * *

За несколько дней до поездки Кранц встретил чету Ябасси в ротонде отеля «Регенгетц». Когда знать сама заговаривала с Кранцем, он надувался, как индюк. А граф с графиней были с ним сама любезность: они были ему должны. За сигаретой Кранц и выложил им всё.

— Везу в Петербург такое собрание, что дух захватывает. Я бы поехал с одними лакеями, но барон Данглосс узнал и слышать ничего не хочет. «Но, дорогой барон, — говорю я, — на дороге целый год тишина! Меня там трогали только комары». А он своё: «Нет, милый Леопольд, риск слишком велик». Вы же знаете этих полицейских. В общем, придётся ехать с дюжиной солдат, вооружённых до зубов. Забавно, не правда ли?

(На самом деле Кранц сам ходил в Башню и умолял дать ему охрану.)

— Очень забавно, — сказал граф Ябасси.

— Весьма, — согласилась графиня.

Словом, Джонифер Давос знал всё: когда ювелир выедет из городских ворот, что везёт, сколько при нём охраны и когда он доберётся до нужного места в лесу.

* * *

Кранц выехал на рассвете десятого сентября в просторной карете, обложенный сумками и тюками. Напротив сидел приказчик, на козлах — лакей, впереди и позади скакали форейторы. А сегодня ещё и шестеро драгун спереди и шестеро сзади. Командовал ими капитан Старкорт из Герцогских драгун — самого щегольского полка армии. Полк назвали так в честь герцога, который когда-то водил его в бой в старинной войне с Давсбергеном.

К вечеру, проехав сорок с лишним миль, они стали лагерем на поляне «Ночлег». Так её исстари звали путники. Здесь были каменные печи, ледяной родник и навесы на случай непогоды. Дальше начинался «Ястреб и Ворон».

Кранц с наслаждением размял кости. В печах затрещал огонь, запахло жарким. Вокруг ходили надёжные солдаты. А капитан Старкорт был просто загляденье! Таких красавцев не встретишь даже в Вене. Да и мундир впервые показался Кранцу недурным: тёмно-зелёный сюртук и лихая красная фуражка с чёрным околышем.

Смущало лишь одно: капитан упорно молчал. Наверное, робеет перед такой важной персоной, решил Кранц. Надо его ободрить. Он заложил большие пальцы за проймы жилета, выставив вперёд добродушное брюшко, сдвинул шляпу на затылок и подсел к капитану на бревно.

— Ну что, капитан, дорога не слишком утомительна?

— Довольно длинна.

— Понимаю, целый день в седле…

— Вполне.

Разговор не клеился. Кранц достал сигары.

— Не угодно ли?

— Благодарю. Я с трубкой.

— Кхм! Прямо как англичанин. Вы, верно, бывали в Англии?

— Я там родился.

— Как интересно! Англичанин в граустаркской армии — несколько необычно, капитан… капитан…

— Старкорт. Моя мать родом из Граустарка, господин Кранц. И её отец, и дед служили в Герцогских драгунах. А в том, что отец у меня был англичанин, я, согласитесь, не виноват.

— Нисколько, нисколько! Международный брак, так сказать.

— Так сказать, — любезно согласился капитан. — Отец умер, когда я был маленький, и мать вернулась в Эдельвейс. А учился я в Англии, в Оксфорде. Оттуда и трубка. — Он выбил пепел и встал. — Ужин скоро готов. Не угодно ли ополоснуться с дороги? Родник вон там.

И они пошли мыться. Кранц кряхтел, фыркал и ухал на все лады: нагибаться так низко его комплекция не привыкла. Поболтать с капитаном ему так и не удалось. Старкорт расставил

часовых, завернулся в одеяло и тут же уснул. Пришлось ювелиру беседовать самому с собой — час или два, пока не сморил сон.

* * *

Проснулся он на сером рассвете от звяка кастрюль и фырканья коней. Было почти шесть. Вдруг все звуки разом смолкли. Кранц уже решил, что всё ему приснилось, и блаженно уткнулся в подушку. И тут раздался зычный голос:

— Ни с места! Первый, кто шевельнётся, получит пулю на завтрак.

Кранц застыл. Разбойники! А где, чёрт возьми, драгуны и этот надменный англичанин?

— Вы на прицеле сорока ружей, — продолжал голос, спокойный и отчётливый. — Оглянитесь, только глазами. Хотите вернуться домой и рассказать товарищам, что Джонифер Давос и его люди — мирные и вежливые господа? Тогда не трогайте оружия. А теперь, капитан, пара слов с тем, кто в карете. Хо! Господин Кранц ещё изволит почивать? Проснитесь, господин Кранц! К вам покупатели!

Шутку Кранц не оценил. Он лишь на миг выглянул в окно в ночном колпаке. Драгуны стояли с поднятыми руками. Приказчик стоял на коленях, лакей замер посреди поляны с ведром в руке. Капитан Старкорт без сюртука и фуражки, с полотенцем в руке, напрасно искал другой рукой пистолет на бедре. Пистолет лежал вместе с саблей на пне в десяти шагах. А кругом стояло этак полторы тысячи людей в плащах и масках, и все целились в него, в Леопольда Кранца! А вовсе не в трусов, которые обязались славно за него умереть.

Он зарылся головой в одежду и застонал. Дверца кареты распахнулась.

— Выходите!

Голова у Кранца, как у страуса, была зарыта. Зато всё остальное торчало наружу. Железная рука схватила его за лодыжку, другая — за пояс брюк (запаса в поясе у него, к сожалению, не было). И купец вылетел из кареты вместе с сумками и одеждой. Он ждал, что шлёпнется о землю, но чьи-то руки подхватили его и аккуратно поставили на ноги.

— О Боже! — задрожал он, не открывая глаз. — Не стреляйте! Сдаюсь! Руки вверху!

Чужие руки бесцеремонно шарили по его карманам, поясу и штанинам. Вообще-то Кранц боялся щекотки. Но сейчас он не смеялся, а только повторял: «О Боже!»

Наконец он открыл глаза. Драгуны всё ещё держали руки над головой. А вот из полутора тысяч разбойников странным образом осталось человек двадцать. Всего-то двадцать! Кранца даже злость взяла.

Перед Старкортом, скрестив руки на груди, стоял очень высокий человек в маске. В руке у него был пистолет чудовищной величины.

— Нет, мой молодой друг, — говорил он. — Какая же в этом ваша вина? Из каждого куста выскакивают люди с ружьями. Какой тут прок от доблести? Застрелить вас? Нет, капитан. Мы не убийцы. Мы джентльмены. В мирное время, разумеется. А более мирного утра я и не помню.

— Я опозорен навеки, — глухо сказал смертельно бледный капитан. — Как я вернусь к начальству?

— С поднятой головой. Однажды великий полководец завёл войско в засаду и потерял три четверти людей. Разве он каялся? Он вернулся, стиснув зубы, а через год поставил врага на колени. А умереть назло всем — это самый трусливый выход. Вы не похожи на труса.

Лицо Старкорта прояснилось.

— Есть способ доказать, что я не трус! — крикнул он.

И по-кошачьи бросился к своему оружию. Джонифер выстрелил — и к своему изумлению промахнулся! В следующий миг Старкорт развернулся и навёл пистолет атаману в грудь.

— Умру, но и вас с собой прихвачу! — в его голосе звенела радость.

Джонифер бросил разряженный пистолет и вскинул руки.

— Стойте! Выстрелите — и погибнут все ваши люди. Подумайте! — И, не оборачиваясь, крикнул своим: — Если он выстрелит, перебейте их всех до единого!

Десять, пятнадцать, двадцать секунд — ни звука. Потом капитан медленно опустил пистолет.

— Сдаюсь. Делайте со мной что хотите, только пощадите моих людей.

— Вы, видно, родились под счастливой звездой, — сказал Джонифер. — Я никогда ещё не промахивался с такого расстояния. Видно, Богу угодно, чтобы вы жили.

— Чтобы однажды вернуться, как тот полководец, и поставить победителя на колени, — Старкорт поднял голову и криво усмехнулся.

— Пусть так. Оставьте пистолет себе, капитан. На минуту вы, может, и струсили — захотели, чтобы я вас застрелил. Но сами в себя стрелять вы не станете. Вы не такой трус.

И он повернулся к ювелиру. Тот уже пришёл в себя и честил капитана на чём свет стоит:

— За что я вам плачу? Драгуны! Трусы презренные! А вы, англичанишка, — у червяка хребта больше! Чего вы стоите?

— Заткнитесь! — нахмурился Старкорт.

— Ага, «заткнитесь»? Вы, выскочка! Дешёвый солдафон! Да если бы я не терял состояние, я бы хохотал! О Боже! Мои бриллианты, мои жемчуга…

— Заткнитесь! — рявкнул Джонифер, взявшись за рукоять меча. — Или вам горло перерезать?

— Нет! Нет! — пискнул Кранц и закрыл горло ладонями.

— Тогда слушайтесь своего капитана. Живее, ребята! Солнце скоро взойдёт. Обыщите карету до последней подушки. А солдат — разоружить. Давайте ремни!

Потом его взгляд медленно скользнул по тёмной кайме леса. Он долго вглядывался в тени — и вдруг улыбнулся, блеснув зубами. Там, за деревьями, сидела в безопасности его дочь. Она видела самое бескровное ограбление за всю историю Друнского леса. А вон там, кучей на земле, лежали её подарки ко дню рождения. Такой добычи банда не брала лет двадцать.

Джонифер Ястреб был счастлив.

Глава IV. В которой Герана выходит из-за дерева, капитан принимает её за мальчишку, а в долине горят костры

Герана, как ей велели шёпотом, стояла за деревом шагах в сорока от поляны. Дрожала от волнения, от страха и от восторга сразу. Зрителей, кроме неё, не было. Разве что несколько перепуганных птиц.

С первым серым светом она вместе с десятками бесшумных теней поднялась из оврага у дороги. Отец сурово шепнул: «Стой здесь». И оставил её за огромным стволом. Тени разошлись по местам. Ей показалось, что прошли часы. На самом деле — минут десять.

Она видела, как часовые будят товарищей. Как драгуны, протирая глаза, встают и берутся за завтрак. Как трое бегут к лошадям. Загремели котелки, зазвучали голоса.

Сердце у неё упало. Где же наши? Почему тянут? Что-то случилось? Зачем ждать, пока солдаты проснутся и возьмутся за ружья? Ей не пришло в голову, что люди отца шли разными тропами и ещё не все были на местах.

Потом она увидела высокого человека в белой рубашке, без шляпы, в красных кавалерийских штанах и блестящих сапогах. Он шёл по траве и закатывал рукава. Вдруг замер. Рука потянулась к боку. А через миг над поляной зазвенел голос.

И поляна, будто по волшебству, ожила. Люди в чёрных плащах и масках выросли словно из-под земли или из стволов деревьев. Сердце у Гераны подпрыгнуло. Она зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть от радости.

Она видела всё. Как кузены бегут к карете. Как за ними топает грузный Секира. Как отец стоит с пистолетом перед высоким человеком в красных штанах. Как офицер поднимает одну руку, а другая беспомощно шарит у бока.

С этой минуты она почти не сводила глаз с молодого драгуна. Слышала каждое слово. Видела, как он бросился к пню за пистолетом. Вскрикнула, когда выстрелил отец, — и чуть

не кинулась вниз, заслонить офицера, пока тот не выстрелил в ответ. Зажмурилась. Прижала руку к сердцу.

Потом снова заговорил отец. Она открыла глаза. Офицер опускал пистолет. Слава Богу! Он не будет стрелять в отца. Наоборот — он гордо поднял голову, признавая поражение.

И Герана поняла: такого она больше не увидит никогда.

Волосы у него были густые, кудрявые и взлохмаченные, цвета соломы на солнце. Лоб широкий. Тёмные брови почти сходились над глазами, которые казались ей чёрными — но чёрными не были. Твёрдый подбородок, сжатые губы, широкие плечи. И ростом — она не поверила глазам — не ниже отца, если не выше.

Всю жизнь она видела только смуглых чернобородых мужчин. Матильда рассказывала ей про светловолосых, но Герана считала их чем-то вроде сказочных принцев или античных богов. А теперь, в свой девятнадцатый день рождения, она увидела такого живьём.

И ей вдруг стало ужасно его жалко. Такой красивый — и такой беспомощный. Побеждён, но не сломлен.

Зато отцом она гордилась. Он тоже вёл себя как благородный человек. Будь на его месте Секира или кто-нибудь другой из банды — офицер был бы уже мёртв. Хотя… пощадил бы офицер Секиру? Вряд ли.

Ей страшно хотелось сбежать вниз, к отцу. Удержало её одно: офицеру и так обидно. А тут ещё окажется, что среди победителей — девчонка. Да к тому же с трясущимися коленками.

Ювелира Кранца ей было ничуть не жаль. Он вёл себя просто отвратительно. Особенно когда принялся ругать бедного капитана. «Окунуть бы его в пруд, толстяка противного», — подумала она.

Всё закончилось на удивление быстро. Разбойники уже уносили в лес мешки, ящики и узлы. Кранц сидел на земле, обхватив голову, и больше не причитал. Одни разбойники собирали у солдат оружие, другие возле костра отбирали ремни покрепче.

Первый выезд на большую дорогу подходил к концу. И, честно говоря, разочаровал. Так легко, без крови, без подвигов. А ведь по рассказам каждый налёт друнских разбойников был сплошным геройством. Больше она этим байкам не поверит ни на…

Постойте. Солдат повели к деревьям и стали привязывать ремнями!

Она снова нашла глазами капитана. Он тоже шёл к дереву, опустив голову, скрестив руки. Отец показывал двоим своим, к какому стволу его вязать.

У Гераны перехватило дыхание. Кровь бросилась в лицо. Её охватил гнев — непонятный ей самой.

Это подло!

И, забыв про все приказы, она вышла из леса и направилась к отцу. Не побежала — пошла быстро и властно. Нижнюю половину лица она закрывала плащом. Джонифер осёкся на полуслове.

— Нет! — крикнула она. — Не смейте! Это возмутительно. Прочь!

Последнее относилось к опешившим разбойникам с ремнями.

— Вы слышите?

— Ах ты, чёрт побери… — начал Джонифер Ястреб.

— Где ваша честь? Разве он не храбрый противник? И вы его свяжете, как… как свинью? Стыдно! Отпустите его. Он больше не опасен. — Она повернулась к ошеломлённому драгуну. — Вы свободны, сударь. Ступайте с миром. Я так хочу. У меня сегодня день рождения, и я…

Джонифер наконец обрёл голос и выругался так, что зашуршала листва.

— Марш на место! — загремел он. — Сию минуту! Клянусь всеми святыми, я тебе устрою такой день рождения, что до смерти не забудешь!

Старкорт рассмеялся.

— Чёрт возьми, — сказал он Джониферу. — А я-то принял за атамана вас. — И поклонился «мальчику»: — Простите, молодой сэр, мою ошибку. Вы благоразумно командуете своими молодцами из-за дерева. Не осуждаю. Осторожность — мать…

— Атаман? — ахнул Джонифер. — Вот этот младенец? Ребята, вы слышали? Он принял нашего ягнёночка за вашего вожака! Хо-хо! Смейтесь со мной!

И захохотал. Громко, но невесело. Джониферу было совсем не смешно. И смех его быстро оборвался, потому что Герана шагнула ближе.

— Как вы смеете? — вспыхнула она. — Как вы смеете смеяться? Хотите выставить меня дурой?

— Нет, моя крошка, — сказал отец, держась за бока. — Ты и сама прекрасно справилась.

Капитан с растущим недоумением смотрел на эти тёмные сердитые глаза. Они глядели на огромного разбойника не мигая. «Смелый мальчишка, — подумал он. — Голос ещё не сломался, а туда же. И макушкой шляпы этому громиле едва до подбородка».

— Так вы его свяжете или отпустите? — свирепо спросил «мальчик».

— Два вопроса в одном, — ответил Джонифер. — На один надо отвечать «да», на другой «нет». А теперь ступай. Хватит глупостей. Знал же я, чем кончится, если взять тебя с собой. Надо было привязать тебя к дереву и оставить волкам.

— Как вы хотите оставить этих беззащитных людей? — язвительно сказала она. — Так уж лучше убейте их сразу.

— Молчать! — Джонифер подумал и прибавил: — К тому же днём волки к дороге не выходят.

— И львы тоже, — вставил встревоженный Секира.

— А почтовая карета пройдёт здесь до полудня, — объяснил отец. — Так что связанными им сидеть всего несколько часов.

— Не говоря уж о путниках и горцах, которые… — начал Секира.

— Хватит! — Голос у Гераны дрогнул. — Вижу, вы всё равно сделаете по-своему. Что бы я ни сказала…

Её перебил Старкорт.

— Благодарю вас, молодой сэр, — сказал он и криво улыбнулся. — Боюсь, вы слишком молоды и не понимаете неприятных военных хитростей. Если доживёте, поймёте: беспечность не окупается. Я вполне согласен с этим почтенным господином. Раз уж он не желает сделать мне любезность и пустить мне пулю в лоб, его план весьма разумен. Отпусти он меня — я тут же разрежу ремни у своих людей и пущу всю свору по вашему следу. Можете не сомневаться. И он прекрасно знает: будь у нас возможность, мы перестреляли бы вас всех до единого.

— Вот это здравый смысл! — обрадовался Джонифер. — Я глубоко уважаю мнение этого господина, даже если ты, ягнёночек, его не уважаешь. Вяжите, — велел он своим. — Покрепче. А ты, крошка, пойдём. Мне надо с тобой поговорить.

Тут раздался голос Кранца. Он взывал к Геране:

— Сжальтесь, молодой сэр! Велите вашим людям меня развязать и вернуть мои… э-э… мои жалкие пожитки. Там нет ничего ценного…

Герана, уходя к дороге с отцом, на миг обернулась. Джонифер обнимал её за плечи.

— Идите к чёрту, — презрительно бросила она.

Капитана как раз привязывали к дереву. Он видел, как «мальчик» слушает тихий голос высокого разбойника, упрямо опустив голову. Потом расправил плечи, вздёрнул подбородок и, даже не взглянув в его сторону, зашагал через дорогу и скрылся в молодом лесу. Двое разбойников пошли следом.

Джонифер подошёл к капитану.

— Ваш сын? — спросил Старкорт.

— Нет, — сердито буркнул тот. И вдруг, назло всему на свете, с гордостью: — Моя дочь.

И тут же прикусил язык. Да поздно.

— Боже правый! — вырвалось у Старкорта.

Через пять минут на поляне не было ни одного разбойника. Они растворились в лесу кто куда. С ними исчезли и сокровища Кранца, и сабли с пистолетами хвалёных Герцогских драгун.

Джонифер Ястреб величественно простился с капитаном. Потом остановился перед ювелиром, низко поклонился, приложил руку к сердцу и насмешливо простился и с ним.

Простимся с господином Кранцем и мы. Скажем только, что часа через два его и драгун освободили двое лесорубов, случайно проходивших мимо. Кранц был им очень благодарен и обещал награду. Ни ему, ни капитану и в голову не пришло, что это были разбойники. Их прислал обратно Джонифер Ястреб — потому что дочь его об этом слёзно попросила.

* * *

Ночь снова укутала лес, когда первые разбойники пробрались в сарай Дигманов. Весь день они пересидели в горах. Таков был порядок: явиться к Дигманам среди бела дня и думать нечего. Сидели маленькими кучками, как лисы в норах. Ели, спали, бездельничали — и держали ухо востро.

Джонифер и Герана с полдюжиной людей проехали через пещеру в девять часов. Кое-кто уже прошёл, другие ещё ждали своей очереди. К сараю никто не совался, пока Дигманы не дадут знак. Потайную дверь берегли пуще собственных голов.

Через полчаса отец с дочерью выехали из ущелья — и увидели костры.

Их жгли на лугу ниже дома Давосов. Таков был обычай. Вернулся мужчина живым — его женщины зажигают свой костёр. Пока не вернётся последний, ни один огонь не дадут погаснуть: примета дурная. Сейчас горело пять-шесть. К утру будет двадцать.

Издали это выглядело жутовато. Между огнями мелькали фигуры — то красные и нарядные, то чёрные и бесформенные. Неслись старые цыганские песни. Стоило часовым крикнуть «Едут!» — песни взлетали до неба. А потом стихали: те, чьи ещё не вернулись, снова смотрели на юг, на ущелье, ждали фонарей.

Герана с отцом ворвались в круг света во весь опор и осадили коней у самого огня. Джонифер закричал и спрыгнул с седла. Герана сдёрнула шляпу и замахала ей над головой: «Хай! Хай!»

Что тут началось! Женщины долины обступили Селима и его всадницу. Про её подвиги они уже слышали. «Дитятко ты наше чёртово!», «Ангелочек!», «Разбойница моя распрекрасная!» — неслось со всех сторон. Герана спрыгнула наземь и кинулась в объятия Матильды.

— Цела? — вскрикнула та. Она не сомкнула глаз с тех пор, как девочка уехала. И теперь ощупывала её, будто искала переломы и раны.

— Я же обещала вернуться переодеться! — Герана стиснула её изо всех сил. — Вот я, родная. Вытри слёзы и, ради всего святого, дай мне поесть. Я умираю с голоду.

— Расскажи мне всё. Какая страшная была ночь…

— Ой, Матильда, видела бы ты молодого офицера! Он был самый красивый…

— Ну-ну! — перебил Джонифер, вырвавшись из толпы. — В дом и переодевайся. Живо! Аппетит потерпит: если нос меня не обманывает, скоро будет пир. Скоро полночь, день рождения на исходе. Матильда, атласное платье с серебром достала? Золотые туфельки?

— Всё готово, Джонифер. Даже кружевной платочек и веер из страусовых перьев.

— И бирюзовый пояс… — вставила взволнованная Эльза.

— А бриллиантовые браслеты я сама начистила, сверкают как тысяча звёзд! — перебила Роза.

— А рубиновая роза? — потребовал Джонифер. — Розу в волосы обязательно. Розу — прежде всего!

— Успокойся, Джонифер, — снисходительно сказала Матильда. — Увидишь розу в своё время. И ослепнешь.

— Помню я тот день и ту даму, — мечтательно произнёс Секира, опираясь на ружьё и покручивая ус. — Высокая такая, царственная. И я… Да-да, что тебе, душа моя?

Его дёргала за рукав крошечная жена.

— Забудь свою царственную даму, Юлиус Снук, — отрезала она. — И вспомни, что ты вернулся ко мне. Вон твой костёр. Ему нужны дрова. Идём! Ты тут только мешаешь, малыш.

Юлиус почесал в затылке и лукаво поглядел на жену.

— Хм! Значит, костру нужны дрова? Ну, из тебя выйдет чудное полено. Ап!

Он нагнулся, подхватил её, как пёрышко, закинул на плечо и зашагал к своему костру. Все хохотали и хлопали. Жена дёргала его за волосы. Но совсем не зло.

* * *

Матильда торопила Герану вверх по склону, к дому.

— Золотая накидка будет сиять, как солнце, в свете всех этих костров…

— Он был очень высокий, Матильда, — задыхаясь, твердила Герана. Глаза у неё сияли. — И волосы цвета соломы. Кудрявые. И, правду сказать, совсем нечёсаные. Он светлый, как ты. Все англичане светлые? Хотя ты ведь не англичанка…

— Твоя мать была светлая, Герана. Многие австрийцы светлые. У неё волосы были как золото.

— Я столько слышала про греческих богов, — вздохнула Герана. — Из книжек, что ты мне читала…

— Про нового бога расскажешь потом, — сухо перебила Матильда. — Сейчас надо до полуночи превратить тебя в сказочную принцессу. Смотри! На бугре складывают самый большой костёр. Это для тебя. И ещё несут подарки. Весь вечер несут с дороги…

— А я их не хочу! — вдруг вспыхнула Герана. — Я раньше не понимала, что значит красть. Я думала, все эти красивые вещи наши, потому что мы за них сражались. Взяли в бою, как древние греки и римляне. А мы просто набрасываемся на людей, которые ничего не подозревают, и…

— Тсс! Отец идёт.

— Вижу, — горько сказала Герана. — И знаешь, что у него в руке? Вот этот мешочек? Там кольца, броши, ожерелья… Матильда, скажи, они правда такие дорогие? Все эти безделушки?

— Ради того, что блестит, женщины душу продавали, — наставительно сказала Матильда. И усмехнулась: — Хотя самой устрице её жемчуг совершенно ни к чему. А алмазы с рубинами — просто камешки, пока человек не отнимет их у Господа Бога.

Герана вдруг словно сникла. Вздохнула.

— Эх. Как ни крути, а я дочь разбойника. Поймай меня княжеские стражники — посадят в тюрьму. Или голову отрубят. Как любому злодею, да?

— Тише! Отец услышит.

В глазах у Гераны мелькнул ужас. До самого дома она молчала. И только за занавеской, скидывая дорожную одежду, тихо сказала:

— Отец… Если его поймают, ему отрубят голову до рассвета. Моему доброму отцу…

— Не поймают, дитя, — шепнула Матильда и погладила её по плечу. — Ловят тридцать лет с лишним — и всё никак. Он заговорённый, твой отец.

— Дай Бог. Да, я дочь разбойника. И горжусь этим, потому что это мой отец. — Она вскинула голову. — Дура я! Конечно, я разбойница. Из опилок золота не сделаешь. Он хочет сделать из меня даму. Одевает в шелка и меха. Вся долина сходится на меня любоваться. А на следующий день кто я? Любимица всех друнских разбойников. Он делает из меня даму — в платьях, сшитых на настоящих дам! Разве не смешно?

— Твоя мать была настоящая дама, Герана.

— Но её-то отец не наряжал в чужое!

— Боже мой, дитя, как ты руку расцарапала! — перебила Матильда. Выше локтя тянулась длинная красная царапина.

— А, это шиповник. Я в него с разгону въехала. Да и синяков, наверное, полно… О чём я? А, вот. Мамины драгоценности и платья. Почему мне никогда не дают их надеть? Отец держит их под замком, в сундуке. А мне позволяет носить только краденое. Почему, Матильда? Нука, ответь.

— Не забывай, детка: в том сундуке всё тоже краденое. Твою мать ограбили на дороге.

— Да, но после свадьбы он всё ей вернул! Значит, это уже не краденое. А умирая, она оставила всё мне. Так почему мне нельзя носить своё, а надо носить всю эту чужую дрянь?

— Дрянь?! — ахнула Матильда. — Ты называешь это дрянью?

— Ответь на вопрос. — Герана топнула ногой.

— Не могу, родная. Потому что… потому что я сама его никогда не спрашивала, — загадочно ответила Матильда.

— Очень… странно, — пробормотала Герана, стягивая рукав. — Ну да ладно. Наверное, у него есть причина. И если бы я его так не любила, я бы… потребовала… объясне… ай! Прилипло!

— Стой, не дёргай так…

— Чем быстрее, тем лучше, — сказала Герана. И дёрнула. Поморщилась, разглядывая царапину. — Всё. Больше я не разбойник. Не гожусь.

— Да уж, это мужское дело, — мягко сказала Матильда. — Для дюжих волосатых мужиков с дублёной шкурой. Эльза! Мазь для руки и гребень. Садись, детка, будем заплетаться.

— Ох! И заплети меня потуже, и надуши духами Шахерезады, — сказала Герана и потянулась.

— Сиди смирно, глупышка.

Комнатка Гераны была маленькая, с низким потолком и одним окном на запад. От «большой комнаты» её отделяли тяжёлые шторы. Большую комнату Джонифер иногда важно именовал «штабом». Но домашние на это не обращали внимания.

Мебели почти не было. Длинная тахта с горой пёстрых подушек — их сшила Матильда. Два резных табурета: их вытесал из цельных чурбаков один разбойник с душой художника, когда Герана была совсем крохой. Медная жаровня в углу. Старинный фонарь у окна. Курильница под потолком. И цыганская гитара.

Зато пол устилал персидский ковёр редчайшей работы. Говорили, что когда-то он лежал во дворце багдадского халифа. Последний владелец лишился его на Княжеской дороге. Он публично обещал пять тысяч фунтов тому, кто вернёт ковёр, без лишних вопросов. Никто не вернул. Для Гераны же это был просто ковёр. Лучшее, что она могла о нём сказать: мягкий, босиком приятно.

На стенах висели четыре маленьких шёлковых коврика, переливчатых, как драгоценные камни. За них заплатили кровью храбрых людей. Джонифер говорил, что больше они ничего не стоили. Дёшево, мол.

Один коврик закрывал зеркало в старинной итальянской раме. Когда-то оно принадлежало венецианскому дожу. Герана открывала его, только когда причёсывалась. «Посмотришь туда — а там опять моё лицо, — жаловалась она. — Надоело ужасно». Строгая оценка. Лицо в зеркале было чудо как хорошо.

В углу за жёлтой занавеской пряталась низкая дверца. Занавеска была расписана таинственными знаками. Хебер Дикас, учёный человек, знававший лучшие дни, уверял, что её расписал египетский чародей при фараонах. За дверцей — Геране приходилось пригибаться — была кладовая без окон. Там висели платья и меха, от которых у любой модницы замерло бы

сердце. Хозяйке же было почти всё равно. Просто нравилось, как они шуршат. Однажды она уехала на охоту в заснеженный лес в собольей куртке. И очень была довольна: тепло.

Ещё там стояли два окованных медью сундука. Кружева, парча, бельё, достойное королевы. Ожерелья, кольца, браслеты. Нити жемчуга, нефрит, янтарь, сапфиры — всё подарки щедрого и любящего Джонифера Ястреба. Он мог себе это позволить.

Замки на сундуках были, но ключ в них никто никогда не поворачивал. Засовов на дверях тоже не было. Как ни странно, в долине не водилось воров!

* * *

Каждый вечер Матильда расчёсывала и заплетала Геране волосы. Этот обычай завела ещё мать, когда Герана была совсем маленькая и отчаянно ревела над каждым узелком. Мать умерла, когда дочери не было и трёх. И Матильда верно продолжила.

С годами Герана это полюбила. Гребень скользит, свеча потрескивает, в конце — капля духов на макушку. Духи были терпкие, пряные, и Герана прозвала всё это «перчинкой». Эльзе и Розе иногда позволялось подать гребень или ленту. Они подавали с благоговением и капелькой зависти.

Из большой комнаты доносились голоса. Туда сносили добро господина Кранца.

— Наверное, опять ожерелье-другое, — зевнула Герана.

Матильда замерла с гребнем в руке.

— Ожерелье-другое? Детка, ты разве не знаешь? Всё, что взяли сегодня, — твоё. Делить не будут. Кто-то предложил, чтобы вся добыча пошла тебе в подарок, и мужчины страшно обрадовались.

Герана зло засмеялась.

— И ради подарка мне они бы накормили тех бедняг пулями на завтрак. Я сама слышала, как отец им это сказал. Дёрнись хоть один — бах! — и всех наповал. Не нужен мне такой подарок!

— Знаю, детка, знаю, — Матильда опустила глаза и снова взялась за косу. — Но мы, женщины, не всегда выбираем. Вспомни царей Карфагена, Рима, Вавилона. Хотели украсить любимых — шли с армиями и грабили чужие дворцы…

— Ты что же, хочешь сказать, что у нас в Друнском лесу царские права? — презрительно спросила Герана. — Оставь, Матильда. Мы разбойники, а не цари. И этот скулящий Кранц — наш враг, что ли? И мы взяли штурмом его крепость? Ай! Тянешь!

— Сиди смирно, не вертись. Сидела бы дома, как разумная девушка, — и царапин бы не было, и нервов…

— Ага, и я бы не увидела… — она спохватилась и закончила: — богатого господина Кранца.

Из-за шторы крикнул Джонифер:

— Герана, поторапливайся! Все вернулись. Люди устали и ждут. Собрались у твоего костра — в жизни не видел такого костра! — и зовут тебя. Пир почти готов. Живее!

* * *

В начале двенадцатого отец с дочерью вышли из дома и направились к бугру. Там пылал огромный костёр. Пламя рвалось вверх и гасило звёзды.

Толпа расступилась, пропуская их. Двести человек, не меньше, все в праздничном. Разбойники стояли кучкой у подножия, как были — только без масок. За спинами ружья, за кушаками пистолеты. И у каждого в руках — мешок или свёрток из кареты Кранца. Пришли и суровые охотники из дальних избушек. Кто им дал знать — загадка. Лесная почта работает быстрее любого телеграфа.

Герана среди них была как жар-птица на птичьем дворе. Платье её шили в Париже для какой-то знатной дамы. Дама показывалась в нём при нескольких дворах — разумеется, никогда дважды при одном. На плечах — золотая накидка. На ногах — золотые туфельки с брилли-

антовыми пряжками. Они чуть-чуть жали: Герана привыкла к сандалиям. В каштановых волосах горела рубиновая роза, как уголёк под мехами. На шее — жемчуг. На руках выше локтя — бриллиантовые браслеты. На пальцах кольца. На тонкой талии — бирюзовый пояс. Ночь в горах была холодная, а она томно обмахивалась страусовым веером.

Отец усадил её на скамью поодаль от огня. Заиграли цыганские скрипки, начались танцы. Сперва у Гераны горели глаза. Потом она задумалась. Между бровей легла складочка, синие глаза затуманились.

Она думала о молодом офицере. Гадалки сказали бы: перешёл дорогу на рассвете. Где он сейчас? Цел ли? Добрался ли до Эдельвейса? А вдруг начальство его винит? Вдруг накажет? И что бы он сказал, увидев её сейчас — в краденом блеске, среди тех самых разбойников?

Танцы смолкли. Герана виновато очнулась. Отец взял её за руку и поднял. И разбойники по одному потянулись мимо неё. Каждый с улыбкой клал у её ног свой дар. Мешочки и мешки, кожаные футляры, зашитые в холстину свёртки. Чёрные коробочки с нетронутыми печатями. И два-три тюка, в которых, судя по всему, лежал целый клад гобеленов и парчи. Куча вышла небольшая. Но цены неслыханной.

Герана благодарила каждого и называла по имени. И каждый уходил счастливый. На Секиру она нахмурилась и погрозила пальцем:

— А тридцать плетей, Юлиус? Вчера ты мне их твёрдо обещал.

Хохот стоял такой, что затрещал костёр.

Потом был пир. Герана весь день умирала с голоду — а тут вдруг не смогла проглотить ни куска.

Когда всё кончилось, она осталась одна в своей комнатке. У стены грудой лежали «подарки». А она снова думала о красивом незнакомце, который назвал её «молодой сэр». И вспыхнула, вспомнив, что отец ему ответил.

Интересно, а он сейчас вспоминает про своего «молодого сэра»?

Глава V. В которой Матильда говорит Ястребу правду, Герана впервые слышит бубенцы, а конюху снится удивительный сон

Осень быстро перешла в зиму. Внизу, на равнинах Граустарка, зима была мягкая. А здесь, в горной колыбели, — лютая. Долина лежала на добрых полмили ближе к небу. Ветер рвался сквозь перевалы, снег лежал с конца октября до мартовского солнца.

Всю зиму долина будто спала. Мужчины ходили на охоту и приносили оленину, медвежатину, кабанов, горных козлов и здоровенных местных зайцев. В «забойные дни» резали свиней и телят, солили и уносили в коптильные пещеры. Муку, соль и прочее завозили заранее, пока снег не закрыл нижние перевалы. Скотину держали в тёплых соломенных сараях. О шкурах своих коней друнские разбойники заботились больше, чем о собственных. Они обожали своих лихих вороных.

— Не любили бы мы так коней, — сказал как-то Юлиус Секира, — съели бы их в ту зиму, когда два десятка наших умерли с голоду. Это было до тебя, Герана, так что не морщи нос. Больше такого не будет. В следующий голод мы заживём на славу. Как? А будем есть пухленьких девочек. Ты не представляешь, какие они питательные! Начнём, конечно, с хорошеньких. Так что не бойся: пока дойдёт до уродин вроде тебя, голод давно кончится. Что? Да как же мне не смеяться, если ты хихикаешь?

— Я не могу не смеяться, — отвечала маленькая Герана. Она сидела на лавке у него в кузнице и болтала ногами от восторга. — Как представлю, что ты меня глотаешь, как Иона кита!

— Не Иона кита, а кит Иону. Читай Писание внимательнее, юная дама.

— Ой, вечно я путаю сказки, — вздохнула она. — Матильда мне их столько читает!

Зимой женщины шили и чинили. Дети ходили в школу к учёному Дикасу. Мужчины днём делали что надо по хозяйству, а вечерами сидели у глубоких каменных очагов. Поленья

трещали и пели так же весело, как пели бы для праведников. Грозы Княжеской дороги курили трубки, пили вино, травили байки. Мирнее компании неповешенных негодяев не сыскать на всём белом свете.

В долину вёл один-единственный вход, и его стерегли. На окрестные вершины не мог забраться никто — а значит, никто не мог и заглянуть в долину сверху. Чего же бояться пушечных ядер, которыми никто не стреляет? Так рассуждали друнские разбойники. Они были фаталисты, как все, кто чувствует себя в безопасности.

И в крепости Джонифера Ястреба царили мир и покой. Везде — только не в сердце самого Джонифера. Его дочь переменилась.

* * *

— Она никогда такой не была, — ворчал он Матильде.

Ворчал так часто, что Матильде стало его жаль. Раньше Герана была весела, как жаворонок, звонка, как горный ручей. А теперь грустит, молчит, сидит одна. Люди спрашивают, что с ней. Джонифер раз сто повторил, что ничего не понимает. Матильда, которая всё отлично понимала, раз сто ответила, что тоже не понимает.

— Может, она больна? — шёпотом спрашивал он, глядя на дочь издали. Та задумчиво смотрела в огонь или в окно. — Да нет, вид здоровый. Честно говоря, никогда она не была так хороша. С каждым днём всё краше. Чего же она хандрит?

Матильда напоминала ему, что Герана уже не ребёнок, а женщина.

(Сама Матильда так и осталась в долине старой девой. Джонифер слишком любил покойную жену, чтобы взять другую. И ни за что не отдал бы её дочь на воспитание чужой женщине.)

— Ну да, наверное, в этом всё дело, — мрачно соглашался Джонифер. — Женщины — они скрытные. Никогда не знаешь, о чём думают. Как кошки. Наша старая кошка часами сидит и смотрит в пустоту. А сама думает, будь уверена, и о таком, чего нам не видно. Кошки видят в темноте. И женщины тоже, на свой лад. Моя крошка стала женщиной и видит что-то в темноте.

— По-моему, Герану надо куда-нибудь вывезти, — сказала однажды Матильда. — Ей девятнадцать лет. Долгий срок для ребёнка в тюрьме.

— В тюрьме? Ты о чём, женщина?

— Сам знаешь о чём.

— Да здесь же… здесь же рай земной! — возмутился он. И для верности повторил: — Сущий рай.

— Адаму и Еве их рай тоже надоел, — покачала головой Матильда. — И потом, ты где-нибудь читал, чтобы рай пять месяцев в году стоял под снегом?

— Рассуждаешь как женщина, Матильда.

— Не спорю. А Ева кем была?

— Женщиной. И лучше бы ей было сидеть в раю, а не…

— А теперь ты рассуждаешь как мужчина, Джонифер. Скажу прямо. Герана всю жизнь заперта в этой долине. Для неё это тюрьма, а не рай. Она всё время мечтает о том, что за горами. О людях, о городах, о морях, о реках, о радостях… Я могу так часами.

— Я же обещал, что когда-нибудь она поедет в мир и…

— Ты обещал это ребёнку. Ребёнок тебе верил. Женщина уже не верит.

Джонифер уставился на неё.

— Не верит… мне? А ну-ка повтори.

— Незачем. Ей девятнадцать с лишним. Она сама думает и сама решает. А за всю жизнь выбиралась из долины от силы раз шесть. И то как вор в ночи — тайком, крадучись, в компании воров.

— Боже правый, сударыня! — Джонифер побагровел. — Что за речи… Ага! Понимаю! Это ты забиваешь ей голову…

— Напротив, Джонифер Давос, — спокойно перебила она. — Это ты забил ей голову. Много лет назад.

— Ты сказала «воров», сударыня! Мне в лицо!

— А кто же ты ещё? — Матильда подняла брови.

Джонифер откинулся в кресле. Как-то обмяк.

— Позволь напомнить, сударыня, — хрипло начал он, — что мой прадед был герцог Друнский…

— Ну да. И пытался украсть престол, разве нет?

Он хмуро посмотрел на неё. Отвёл глаза.

— Не хуже твоего герцога Монмута, о котором ты вечно вздыхаешь, — буркнул он.

— Признаюсь: предки моей матери воевали за Монмута. Наверное, я пристрастна, хотя это было давным-давно, а я австрийка. Прости, что говорю так прямо. Но я думаю о Геране. Она знает, что она дочь разбойника. Да, грубое слово, но правда. У неё сердце, душа и, не спорю, характер настоящей дамы. Ты из рода герцога. Её мать — моя бедная Луиза, — голос у Матильды дрогнул, — была из лучшей семьи в Австрии. А Герана живёт среди воров и разбойников. Потому я и называю это тюрьмой. Ведь тюрьма — это как раз то место, где полно воров.

— Но она меня любит, уважает… — неуверенно начал Джонифер. И вдруг вспыхнул: — Да чтоб тебя, сентиментальная дура! Я же коплю ей состояние, чтобы она заняла самое высокое…

— Ты сделал бы для неё больше, если бы хоть изредка показывал ей то, чего она хочет сильнее всех твоих богатств.

— То есть… мир снаружи?

— Именно.

Джонифер замолчал. Долго сидел, глядя в огонь. Герана выезжала Селима на расчищенной дороге. Можно было говорить свободно.

— Её мать была довольна жизнью здесь, со мной, — сказал он наконец. — Она меня любила. Не презирала за то, что я…

— Разбойник, — подсказала Матильда.

— Да. Разбойник. А всё-таки любила. Странно, а? — Он насмешливо и победно посмотрел на неё.

Матильда подалась вперёд.

— А ты не забыл, Джонифер Давос, как она презирала тебя поначалу?

Он улыбнулся.

— Было дело. Но потом прошло. Она меня любила, и… ты же знаешь, Матильда.

— Знаю, — тёмно сказала она. — Знаю, что ты её любил. Только поэтому она и смогла жить дальше. Она сама тебе говорила: сперва думала, что не выдержит. Я её утешала — говорила, что нас ещё спасут. Она боялась твоего отца. Она… прости.

Он вдруг опустил голову. Матильда попала в больное место.

Он хорошо помнил ужас прекрасной пленницы. Его отец, Джонифер Первый, был человек без совести. Луиза была не первой женщиной, которую уводили в горы. Джонифер помнил день, когда встал перед отцом и сказал: если тот хоть пальцем тронет гордую австрийку — убьёт его, как змею. Помнил отцовскую ярость. И его внезапное, небывалое смирение. И лицо Луизы, когда она поняла, что у неё нашёлся защитник — сын её мучителя.

Он любил её уже много недель, с первого взгляда. И, может быть, в тот час, сама того не зная, она начала любить его.

Потом отец сказал ему:

— Сын мой, ты убил бы меня вчера? Родного отца?

Он ответил:

— Да, отец. Убил бы.

И отец положил ему руку на плечо:

— Знай, Джонифер: я тобой горжусь. Ты джентльмен.

Всё это было давно. Но сейчас Джонифер Ястреб опустил голову. Будь он джентльменом, он заступился бы и за тех, кто был до Луизы. Вот где была трещина в его броне.

Наконец он поднял голову.

— Ты меня ненавидишь, Матильда?

Она не отвела глаз.

— Да. Всегда ненавидела, Джонифер.

Он долго смотрел на неё.

— Наверное, потому я тебя всегда и уважал, — сказал он. — Странно, правда? Уважать того, кто ненавидит тебя как отраву.

— Не странно, — сказала она. И он кивнул.

— В тот день, когда Луиза умерла и я стала ей не нужна, я бы застрелила тебя, — спокойно продолжала Матильда. — Если бы не Герана. Только это тебя и спасло, Джонифер. Луизин ребёнок.

Великий Джонифер что-то сглотнул и довольно резко вернулся к делу.

— Не понимаю я её. Была как солнышко. Ни одного сердитого слова — ну, разве что раскапризничается, да и то редко. Пела, смеялась, прыгала, как кузнечик. А теперь? Дуется, сидит одна. Огрызается. И вся долина уже думает, что я её обижаю! Вчера жена Юлиуса Снука — язык у неё как у чёрта — остановила меня, погрозила пальцем и говорит: стыдно, мол. Да чего мне стыдиться, клянусь всеми святыми? Перед Гераной-то?

— Хочешь совет, Джонифер?

— Послушать — послушаю, — осторожно сказал он.

— Свози её как-нибудь в Эдельвейс. Пусть посмотрит на людей, на базары, на огни, на экипажи, на солдат в мундирах…

— Это не совет, — возмутился он. — Это чистое безумие. А опасность? Ты о ней забыла?

— Захочешь — справишься, — резко сказала она. — Сам-то ездишь в город, когда вздумается. И всегда возвращаешься целым.

— Я езжу только по делу, — надменно ответил он.

— Так сделай своим делом, чтобы у Гераны была в жизни хоть какая-то радость. Больше мне сказать нечего, Джонифер Давос. Поступай как знаешь. Только не жалуйся потом, что роза завяла, не успев распуститься.

— Погоди, — пробормотал он, когда она уже шла к двери. — Мне тут пришло в голову. У Дигманов чуть не каждую неделю гулянья. Из города приезжают на санях, ночуют, а наутро едут на охоту. Сиге говорит, весело у них. Знать, богачи, мужчины и дамы — пьют вино, веселятся…

— Это лучше, чем ничего! — Лицо у Матильды просветлело. — Отвези её к Дигманам, Джонифер. Пусть посмотрит. Никто не заподозрит в честном крестьянине и его ясноглазой дочке тех чудовищ, которыми вы на самом деле являетесь.

— И ещё, — Джонифер зашёл с другой стороны. — Она и смотреть не хочет на подарки, которые мы ей подарили на день рождения. Ребята не понимают, в чём дело. Говорит, не возьмёт эту… эту дрянь. Так и сказала — дрянь.

— Знаю. Она бросила на пол твой мешочек с жемчугом и бриллиантами и… ну, ты сам видел.

— Видел, — проворчал озадаченный разбойник. — Растоптала. Хоть убей, не пойму, что на неё нашло.

— Может, она считает, что и так достаточно богата, — загадочно улыбнулась Матильда и вышла. А Джонифер остался сидеть и жевать кончик уса.

Матильда, будучи женщиной, давно разгадала секрет Гераны. Девочка влюбилась в капитана драгун, которого видела один-единственный раз. Хуже того, думала Матильда с горечью, — она влюбилась в большой мир, который явился ей в образе одного-единственного человека в красивом мундире. Матильда вздохнула. В своё время она повидала немало бравых офицеров. Перьями её было не обмануть.

* * *

Чем всё кончилось? Тем, что после долгих разговоров с Матильдой, после косых взглядов соседей и непонятных капризов дочери Джонифер решился. С тяжёлым сердцем, после долгих раздумий — но решился. Однажды ясным морозным вечером в трактир Дигманов приезжала компания из Эдельвейса — переночевать, а наутро поохотиться. Туда он и повезёт Герану.

Комнаты он заказал заранее. Великаны Дигманы чуть не упали.

— Джонифер, а вдруг тебя кто-нибудь узнает? — Челюсть у Самона отвисла. — Это безумие! Ты в своём уме? Неужто лиса забыла…

— Довольно, Самон, — холодно перебил Давос. — Ты думаешь, я суну голову дочери в пасть льву? И за свои драгоценные головы, большие и пустые, тоже не бойтесь. Мы для вас чужие. Вы нас знать не знаете. Пустили на ночлег, как всякого путника, — и всё. Что бы со мной ни случилось, ваши головы в безопасности. Они приезжают завтра вечером, говоришь? Сколько их?

— Человек двадцать, — сказал Самон, надеясь, что это отпугнёт атамана.

— Один граф, два барона и по меньшей мере один камергер, — доверительно добавил Сиге.

Джонифер рассмеялся.

— Не пугай, Сиге. Вот если бы ты сказал «фрейлины» или «статс-дамы» — тогда другое дело. И что ещё за камергер? При Замке у нас сирота-княжна лет десяти. Какие при ней камергеры?

— Сиге хотел сказать «шталмейстер», — пояснил Самон. — А ещё будут несколько господ из Крепости, большие охотники.

— Мы забыли про двух иностранцев. Может, они вообще из тайной полиции, кто их знает, Джонифер.

— Не говоря уж о восьми-десяти дамах, куче слуг и оруженосцев, — заключил Самон. И махнул рукой так, будто вопрос закрыт навсегда.

— Дочь займёт заднюю комнату во флигеле, окнами во двор, — отрезал Джонифер. — Оттуда удобно, если придётся спешить. Я спать не буду, Самон.

* * *

И вот на следующий день под вечер Герана сидела у мутного окошка и смотрела во двор. Во двор влетали сани — четверо, пятеро. Огромные, на высоких изогнутых полозьях, каждые запряжены четвёркой. Из конских ноздрей валил пар. Звенели бубенцы, кричали кучера, бегали конюхи. Герана растерялась от этого шума. До сих пор она знала только один шум — людей и коней, которые собрались на недоброе дело.

Эдельвейс лежал миль за пятьдесят к юго-востоку. Коней сменили на военной заставе и долетели по ровной дороге вдоль предгорий меньше чем за пять часов.

Герана во все глаза смотрела, как сани одни за другими описывают круг по двору и лихо останавливаются у крыльца. Великаны-хозяева встречали гостей, а гости шутили с ними, как старые знакомые. Страшные Дигманы — и вдруг такие услужливые! Ленивые слуги — и вдруг такие проворные! Кучера и форейторы держались, как солдаты на смотру. Герана впервые вдохнула запах того мира, о котором мечтала.

Больше всего её занимали дамы — румяные, смеющиеся, болтливые. Кавалеры помогали им выйти из саней. А вот кавалеры… Кавалеры её не впечатлили. Неуклюжие, толстые от огромных шуб и меховых шапок, почти все бородатые и невысокие. От сказочных принцев в

них была разве что учтивость. Ни один не мог сравниться с… Впрочем, она честно признала: капитана драгун ведь не прятала шуба до пят и шапка до подбородка. Было, конечно, двоетрое высоких. Но и те не так красивы, как… да кто вообще может быть так красив?

Дамы зато все были весёлые и живые. Большинство хорошенькие и, кроме двух, совсем миниатюрные. Сама Герана в долине была выше всех женщин, кроме Матильды. А эти две статные дамы? Она ниже их или нет? И приняли бы их на рассвете за мальчишку, за «молодого сэра»? В этих расчётах было что-то грустное.

На дамах были собольи и котиковые шубки, такие же шапочки. На шубки Герана смотрела совершенно равнодушно.

Уже стемнело, а она всё сидела у окна. При фонарях во дворе распрягали коней. Через приоткрытую створку долетал звон бубенцов. Никогда раньше она не слышала, как звенят бубенцы на санях. У неё замирало сердце.

— Пойдём, Герана, — отец тронул её за плечо. — Пора ужинать.

Она так и подскочила, прижав руку к сердцу.

— Как ты меня напугал!

Он отшатнулся.

— Ну-ну, дорогая, так не годится. Ты взволнована. Напугалась — меня? — Он обнял её. — Это та самая девочка, которая не боится ни льва рычащего, ни…

— Просто я ещё никогда не была среди стольких чужих, — засмеялась она и прижалась к нему. — Ой, какой ты большой и сильный, папа. Кому же страшно, когда ты рядом?

Джонифер расцвёл. Грудь его раздулась.

— Не бойся, ягнёночек. Пока я рядом, тебя ни человек, ни зверь не тронет. — Он подумал и добавил: — Ни женщина, если тебе от этого легче. Ну, зажги свечи. Надо прихорошиться.

— Я готова, папа. Кто там заметит дурнушку-крестьянку в уголке? — Она притянула его голову и поцеловала. — Какой ты добрый, что взял меня!

— Дурнушку-крестьянку, вот как? — зарычал он. — Ну, будь я проклят…

Где-то в глубине старого трактира глухо ударил гонг. Это помешало Джониферу высказаться о женщинах вообще и о Геране в частности. Дочь вцепилась ему в руку.

— Господи! Это… это тревога? — шепнула она.

Джонифер усмехнулся.

— Тревога, крошка. Смертельная опасность для всех этих господ из Эдельвейса. И ужас для их дам. — Он простительно прихвастнул: — Потому что сейчас они тебя увидят. И спаси их Бог.

И тут Герана, с извечной женской привычкой передумывать, всё-таки зажгла свечи. Отец молча любовался, как ловко она заправляет непослушные пряди. Она наклоняла голову перед зеркалом то туда, то сюда — и он, сам того не замечая, делал то же самое. Их глаза встретились в зеркале. Она улыбнулась — грустно, чуть растерянно. И у него сжалось сердце.

Как же ему хотелось ввести её к этим господам во всём великолепии царицы Савской! Никого роскошнее он во всей истории припомнить не мог. Но нельзя. Он тяжело вздохнул. Ничего, придёт время — она ещё пройдётся среди этих павлинов с высоко поднятой головой.

— Я хорошо выгляжу, папа?

— Никогда в жизни, — торжественно сказал он, — я не видел девушки прекраснее этой фермерской дочки, которая… которая сейчас задует свечи. Задувай, дорогая. И помни: ты простая деревенская девушка, а я честный, зажиточный мужик в своём лучшем базарном пиджаке.

— С парой пистолетов под пиджаком, — весело сказала она и задула свечи.

* * *

В столовую они пришли первыми, если не считать двух чужих, наверное разносчиков. Сели у самой двери. Джонифер об этом позаботился: выход должен быть под рукой.

Зал был небольшой. По углам — несколько столиков с простой посудой, оловом и медными кружками, на каждом свеча. По центру — длинный стол, и на нём всё лучшее, что нашлось в трактире: серебряные кубки, резные кувшины, три высоких канделябра по восемь сальных свечей. Старые стены были в трещинах и в копоти. По углам висела паутина — такая густая, что, казалось, только она и держит стены и потолок вместе. Великаны Дигманы, конечно, достали бы до неё и без лестницы. Но великаны, как известно, ленивы.

Из кухни пахло жареной дичью, свежим хлебом, пряностями и горячим бульоном. Герана вдруг поняла, что умирает с голоду.

Из распивочной за камином доносились мужские голоса. Над ними время от времени громыхал хохот кого-то из Дигманов. В столовую хозяева заходили редко: неловко каждый раз нагибаться в дверях. Подавали старые слуги. А вино разливал сморщенный старичок-ключник в кожаной куртке, со связкой ключей на поясе. Он хвастался, что лет шестьдесят назад наливал в кубок самому весёлому князю Рудовику.

Наконец, смеясь и болтая, явилась компания из Эдельвейса. Все рассаживались, кого-то с шумом тащили из распивочной.

Первым делом Герана отыскала глазами тех двоих высоких. Ни один из них не был капитаном драгун. Она так и не поняла, рада или нет.

Зато дамы её разочаровали. Она ждала роскошных платьев с глубоким вырезом. А на дамах были какие-то грубые, мешковатые костюмы — будто они только что вернулись из лесу или собирались туда. Не сразу до неё дошло: они ведь и приехали в Друнский лес стрелять зайцев. Ярких красок на блузах с поясами хватало. Но Герану это не ослепило.

Мужчины теперь выглядели куда лучше. Подтянутые, чистенькие, и по одежде сразу видно: «богачи», как говорил отец. Герана приняла к сведению. Но не больше.

Она стала исподтишка разглядывать дам. Одни были хорошенькие, другие совсем нет. Но во всех было что-то общее: лёгкость, уверенность. Сразу видно — «высокородные дамы», опять же по отцову словарю. В этом сомневаться не приходилось.

За длинным столом веселились вовсю. Слуги забыли про остальных четверых постояльцев. Ключник то наливал в кубки красное вино, то бежал за новым кувшином.

И вдруг Герана заметила, что на неё смотрят. Сначала мужчины, потом и дамы. Она покраснела, нахмурилась и опустила глаза. И вдруг её охватила паника.

— Они все на меня смотрят, — шепнула она отцу. — Думаешь, узнали? Давай уйдём! Они вот-вот на нас набросятся.

Джонифер ухмыльнулся и чуть заметно покачал головой.

— Не бойся. Они не знают, кто ты. Но никогда тебя не забудут. И когда ты однажды войдёшь в их круг, они тебя припомнят. Девушка, которую видели в трактире с дядей. С почтенным фермером, который везёт её на поезд в Балак: она гостила у него две недели.

— Что? — ахнула она. — С дядей? Не понимаю.

— Отпей вина, дорогая, — вполголоса сказал он. — Держись проще. Вот так. Да, с дядей — пока что я дядя. А ты — дочь брата моей покойной жены, богатого землевладельца из Силезии. Так велено отвечать Дигманам и слугам, если спросят. А спрашивают непременно — видишь? Вон тот, во главе стола, как раз сейчас расспрашивает старого Таммаса.

— Но, папа, я не…

— Не дело будет, если ты, в шелках и бриллиантах, скажешь этим людям, что человек в трактире был твой отец. Ты скажешь — дядя. И тётя Катрана подтвердит. Твой отец был богатый силезский дворянин, умер и оставил тебе всё своё…

— Не стану! Ни за что… — вспыхнула она. Она была по-настоящему потрясена. И успела поймать в глазах отца что-то тоскливое, побитое.

— Тсс! Осторожнее! Поговорим потом, не при людях. Таков мой план. Но я не тиран. Решать тебе, дорогая.

— Я уже решила, — буркнула она.

— Конечно, — спокойно сказал он. — И перерешишь, как и любая другая женщина.

Герана покачала головой, улыбнулась — и выбросила это из головы. Теперь её занимали пирующие. Робость прошла, вместо неё пришло что-то вроде вызова. Страха как не бывало. Стало даже забавно. Всё-таки приятно, когда тобой любуется… ну, хотя бы вон тот седоусый старый охотник с красной розеткой на груди.

Но скоро ей стало скучно. Она сама того не понимала, но скучно. Смотреть и смотреть — утомительно. Да и спать пора. Она зевнула.

Отец давно молчал и хмуро смотрел в огонь, с кружкой эля в руке. Первого зевка он не заметил. Второй — очень деликатный, под пристальным взглядом по меньшей мере трёх господ — заметил. Она виновато улыбнулась.

— Я ужасно устала и хочу спать, папа.

— Дядя, — поправил он.

— Папа, — сказала она.

— Насмотрелась?

— Увы, кажется, да. То есть на сегодня.

— Тогда спать.

Он потребовал счёт, для виду поспорил и заплатил. До самой её двери не сказал ни слова.

— Поспи сколько сможешь, — шепнул он. — Уезжаем до рассвета.

— А я думала, буду себя чувствовать больше Золушкой, — сказала она.

— Золушкой? А кто это?

— Ты не знаешь. Мне Матильда про неё рассказывала.

* * *

Наутро, в начале пятого, из боковой двери трактира выскользнули две фигуры в мужском платье. Быстро и тихо пересекли снежный двор, прижимаясь к тени каменной стены. Одна фигура была высокая, с узлом. Другая сильно ниже и семенила мелкими шажками.

Они вошли в конюшню. На сеновале спали чужие конюхи, так что двигались с осторожностью. Высокий нащупал что-то в задней стене. Тяжёлая доска отъехала в сторону. За ней чернела узкая щель. Низкий проскользнул туда, за ним высокий. Доска бесшумно встала на место.

А в дальнем углу каретного сарая что-то зашевелилось. С кучи мешков у лестницы поднялся человек. Протёр глаза, прищурился. Пробормотал что-то ошалелое. Медленно, опасливо подошёл к тому месту, где две фигуры как сквозь землю провалились — прямо сквозь самую крепкую стену. Вытащил серную спичку, чиркнул об штаны. Синий огонёк нехотя разгорелся. Конюх поднёс спичку к доскам и…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.